

0631

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Мвонн Лндсей
**ЛЮБИМЫЙ
БЫВШИЙ МУЖ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Ивонн Линдсей

Любимый бывший муж

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Линдсей И.

Любимый бывший муж / И. Линдсей — «Центрполиграф»,
2015 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06822-4

После аварии Ксандер Джексон потерял память о последних шести годах своей жизни и не помнил о том, что находился на грани развода с женой. Оливия решила использовать этот второй шанс и начать все сначала с мужчиной, которого она таки не смогла забыть. Но, позволив ему считать, что они по-прежнему страстно любят друг друга, ей пришлось скрывать все следы страшной трагедии, которая разрушила их отношения.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-06822-4

© Линдсей И., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ивонн Линдсей

Любимый бывший муж

The Wife He Couldn't Forget © 2015 by Dolce Vita Trust

«Любимый бывший муж» © «Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2016

Глава 1

Оливия ненавидела больницы. Она вздохнула, пытаясь отогнать назойливые воспоминания, которые нахлынули, стоило ей войти сюда, и начала искать в справочнике нужное отделение.

Что точно сейчас ей было не нужно – так это вновь встречаться с бывшим мужем, даже если он и хотел этого. Ксандер оставил ее два года назад, свой выбор он сделал, и она все это время неплохо жила без него. Хотя, если быть честной, она так окончательно и не пришла в себя после расставания с ним и до сих пор переживала из-за этого.

Двери лифта звякнули, открывшись. Снова поборов сильное желание сбежать отсюда, Оливия уверенным шагом вошла в лифт и нажала кнопку нужного этажа. Черт возьми, ну вот, опять это слово – «нужный». Ей ведь совершенно не хотелось снова почувствовать ту боль, которую она с таким трудом смогла преодолеть. По крайней мере, она полагала, что смогла. До того момента, как сегодня утром ее разбудил телефонный звонок.

Оливия сжала ремешок сумки. Она не обязана видеть Ксандера, даже несмотря на то, что он очнулся после шестинедельной комы и тут же потребовал позвать ее. Конечно, это в его духе – требовать, тут и речи не могло быть о вежливой просьбе. Вздыхнув, Оливия вышла из дверей лифта и остановилась у сестринского поста.

– Я могу вам помочь? – спросила усталая медсестра за стойкой.

– Могу ли я увидеть доктора Томаса? Он меня ждет.

– Ах, вы миссис Джексон? Разумеется, я вас провожу.

Ей пришлось провести некоторое время в комнате ожидания, прежде чем туда вошел врач:

– Миссис Джексон, благодарю вас за то, что пришли.

Она кивнула и пожала протянутую ей руку, отметив контраст: ладонь врача была чистой, теплой и сухой, а ее – в пятнах краски и такой холодной, будто кровь застыла у нее в жилах после того, как она получила известие о Ксандере.

– Вы сказали, Ксандер пострадал в аварии?

– Да, он не справился с управлением на мокрой дороге. Врезался в электроколонку. Раны на теле уже зажили, все органы функционируют без отклонений. В последние дни мы заметили некоторые признаки того, что он приходит в сознание, его рефлексы улучшились. Вчера ночью он окончательно проснулся и начал звать вас, чем немало удивил персонал. Из близких в анкете страховой компании была указана лишь мать.

Оливия буквально упала на стул. Значит, Ксандер звал ее? В день своего ухода он сказал ей, что им больше не о чем разговаривать. О том ли человеке говорит сейчас доктор?

– Я... не понимаю, – наконец сумела вымолвить она.

– Помимо прочего, мистер Джексон страдает от амнезии, вызванной травмой. Вполне обычное явление на фоне повреждения мозга, – вообще, исследования показывают, что сохраняют память в таких случаях менее трех процентов пациентов.

– И он не вошел в это число?

Врач покачал головой:

– Подобная амнезия – неперенная стадия, следующая за любой мозговой травмой, такие пациенты обычно потеряны, дезориентированы и испытывают затруднения с памятью, особенно с кратковременной. Но случай мистера Джексона немного необычен, поскольку он потерял какую-то часть долгосрочной памяти. Я полагаю, вы не знали об аварии?

– Я не встречаюсь с людьми его круга и никогда не была близка с его матерью. Неудивительно, что никто не сказал мне об этом. Я не видела Ксандера уже два года, с того момента,

как он решил покончить с нашим браком. Мы ждали, пока адвокаты наконец завершат дело о разводе.

Оливия вздрогнула: даже сейчас она явственно услышала горечь в своем голосе.

– Ах вот оно что. Это немного усложняет дело.

– Усложняет?

– Возникнут проблемы с выпиской.

– Я не понимаю. – Оливия нахмурилась, пытаясь понять слова доктора.

– Он живет один, не так ли?

– Насколько я знаю, да.

– Кажется, он думает, что из больницы он вернется домой вместе с вами.

Оливия замерла, потрясенная этими словами.

– О-он так считает? – запинаясь, пробормотала она.

– Он полагает, что вы до сих пор вместе. Поэтому он и спрашивал о вас. Его первыми словами после пробуждения были «Скажите моей жене, что я в порядке».

Доктор Томас принялся подробно рассказывать о состоянии больного, но Оливия с трудом понимала его слова о потере физической формы из-за длительной комы, проблемах с краткосрочной и долгосрочной памятью; все, что она смогла услышать, – это то, что ее уже почти бывший муж хотел видеть ее.

– Простите, – прервала она врача. – Что же именно Ксандер помнит?

– Насколько мы можем судить, последнее его четкое воспоминание относится к событиям шестилетней давности.

– Но мы тогда только поженились! – воскликнула Оливия.

Это означало, что ее бывший муж не помнит ничего о том, как они закончили ремонт их дома на Челтенхэм-Бич, о том, как пять лет назад родился их сын Паркер. О том, как он погиб в возрасте трех лет.

Оливия с трудом заставила себя задать следующий вопрос, который был для нее очень важен:

– Он ведь когда-нибудь... вспомнит все?

Доктор Томас пожал плечами:

– Возможно. А может быть, и нет. Или вспомнит лишь часть.

Оливия сидела молча некоторое время, осознавая смысл сказанного, а затем глубоко вздохнула: она должна была сделать это.

– Я могу его увидеть сейчас?

– Конечно. Прошу вас.

Доктор ввел ее в большую палату с четырьмя кроватями, из которых лишь одна, у окна, была занята. Оливии пришлось собрать всю свою волю, чтобы подойти ближе и посмотреть на мужчину, которому она посвятила некогда свою жизнь, потому что слишком сильно любила его и надеялась, что и он любит ее не меньше. Взглянув на знакомое лицо, она почувствовала толчок в груди, а затем еще один, когда невольно подумала о том, как они с Паркером похожи – будто горошины из одного стручка. Она рассеянно потерла грудь, точно пытаясь утихомирить боль, прочно поселившуюся в опустевшем сердце после расставания с мужем.

– Он сейчас спит, но вскоре должен проснуться, – произнес врач, мельком проглядев медицинскую карту Ксандера. – Можете посидеть с ним.

– Спасибо, – механически ответила она, опускаясь на стул возле кровати.

Оливия скользнула взглядом по неподвижному телу под легким одеялом – он похудел и казался не таким мускулистым, как два года назад. Раньше он всегда был гладко выбрит, теперь же на подбородке его пробивалась щетина, а волосы отчаянно требовали стрижки.

Сердце ее сжалось от сострадания, а ведь ему бы это вряд ли понравилось. Ксандер был человеком действия и привык все держать под контролем. Да он бы сошел с ума, сознавая,

что, беспомощный, лежит на больничной койке. Внезапно она вздрогнула: больной очнулся, и Оливия встретила пронзительный взгляд его серых глаз. Он узнал ее, улыбнулся, и в его глазах была искренняя радость. Между ними словно опять возникла какая-то невидимая связь – будто и не было тех страшных событий, когда-то разрушивших их отношения. Она тоже невольно улыбнулась ему.

Когда она последний раз видела, как он улыбается? Так много времени прошло с тех пор, и Оливии не хватало этой улыбки, не хватало его. Эти два мучительных, одиноких года она пыталась убедить себя, что можно так же легко забыть человека, как и влюбиться в него, только нужно очень постараться. Но она лгала сама себе – любовь не подчинялась велению разума, нельзя притвориться, что любимый человек, некогда бывший значительной частью твоей жизни, теперь никто для тебя.

Она поняла сейчас, что по-прежнему любит его.

– Ливви? – Голос Ксандера был хриплым, точно голосовые связки отвыкли от работы.

– Да, – слабо вымолвила она. – Я здесь.

Слезы жгли ей глаза, в горле встал ком, мешающий говорить, и она потянулась к его руке. Почувствовав, как его пальцы обхватили ее ладонь, она не удержалась, и слезы полились по ее щекам. Он вздохнул и вновь закрыл глаза. Прошло несколько секунд, прежде чем он хрипло произнес:

– Все хорошо.

Она подавила рыдания, душившие ее, и услышала легкое покашливание – доктор Томас стоял неподалеку от кровати.

– Ксандер! – воскликнула она взволнованно.

– Не беспокойтесь – он снова заснул. Сейчас придет одна из медсестер, чтобы наблюдать за ним. Может быть, он вскоре проснется снова. А теперь, если вы меня извините, я вас покину.

– О да, конечно. Спасибо вам.

Краем глаза она заметила, как в палату вошел другой пациент с ходунками, как к нему вошел терапевт. Но ее внимание было сконцентрировано на мужчине, лежащем на кровати перед ней.

Она осознала сейчас, что Ксандер мог погибнуть в этой автокатастрофе, а она бы даже и не узнала об этом. Боль от этой мысли захлестнула ее с огромной силой, но она заставила себя не думать об этом. Он ведь не погиб, он выжил. И более того, забыл о том, что когда-то порвал с ней отношения.

Пальцы Ксандера все еще сжимали ее руку, точно она была его якорем и он хотел, чтобы она оставалась рядом с ним всегда. Оливия наклонилась и нежно прижала его ладонь к своей щеке. Действительно ли она нужна ему? Что ж, она будет надеяться на это. Она поняла, что хочет, чтобы он снова был с ней, ее чувства к нему, оказывается, стали еще сильнее и глубже, чем раньше. Крошечное зернышко надежды зародилось в ее сознании. Может быть, его потеря памяти станет для нее тем вторым шансом, в котором он так упорно ей отказывал два года назад?

Сейчас она решила, что сделает все, чтобы вернуть его.

Неужели она даже готова притвориться, что в их прошлом не было той страшной трагедии и всего, что за этим последовало?

Да. Она сделает и это.

Глава 2

Оливия вошла в дом и со вздохом прислонилась к входной двери – головная боль, начавшаяся по дороге из больницы, стала еще сильнее.

Что, черт возьми, она натворила?

Было ли это ошибкой – позволить Ксандеру поверить в то, что они счастливо женаты? Но сейчас она хотела, чтобы так и было, больше всего на свете. Нельзя повернуть время вспять, но можно попытаться начать все сначала, – Оливия мысленно пыталась спорить со своей совестью.

Может, это не очень красиво с точки зрения морали – воспользоваться его амнезией таким образом, и, кроме того, это было рискованно – ведь его память может вернуться в любой момент, а вместе с ней и его нежелание сохранять их отношения. С другой стороны, если у нее есть хоть малюсенький шанс вновь обрести счастье, она должна его использовать.

Оливия отошла от двери и направилась через холл к огромной кухне, которую они с таким энтузиазмом ремонтировали после того, как въехали в этот двухэтажный особняк девятнадцатого века спустя неделю после свадьбы. Она машинально поставила на огонь чайник, чтобы вскипятить воду для ромашкового чая. Может быть, он успокоит головную боль.

Если бы так же легко можно было отделаться от щемящего чувства вины, что рвало ее сердце на части. Права ли она в своем решении добиваться счастья любой ценой?

Может, она делает все это, чтобы перестать сожалеть о прошлом? После смерти Паркера она полностью отдалась своему горю, и вместо того, чтобы пережить беду вместе, они с мужем принялись упрекать в произошедшем друг друга, и ей было гораздо легче отпустить Ксандера, чем бороться за сохранение брака. Она обвинила его в том, что он скрывает от нее свои подлинные чувства, но разве она не поступала так же? Она просто позволила ему уйти, вот и все. Потом она опомнилась и поняла, что хочет вернуть его, но было слишком поздно. Ксандер не желал ничего обсуждать с ней, будто начисто стер из своей жизни все, связанное с прошлым.

Ей было по-прежнему больно от этих воспоминаний, но время и расстояние все же несколько отрезвили ее рассудок, заставив взглянуть на все со стороны и понять, что в том, что их брак рухнул, есть и ее вина. И она больше не повторит подобной ошибки.

Оливия заварила чай и вышла с чашкой на террасу. Мысли ее снова и снова возвращались к тому, что произошло в больнице. Она колоссально рисковала – все могло пойти не так. Но все же Ксандер только что вышел из комы, ему предстоял долгий путь выздоровления, и пройдет еще много дней, а то и недель, прежде чем его выпишут. Ему еще нужно встать на ноги и начать ходить без посторонней помощи, а кроме того, потребуется лечебная физкультура, прежде чем он снова вернется домой.

Ксандер не жил здесь в последние два года, но они вместе купили этот дом, посвятили целый год ремонту и отделке и были очень вдохновлены этим. О, как же замечательно, что Оливия решила остаться жить здесь со своими воспоминаниями, а не продала дом и не начала новую жизнь. Она уже почти привыкла жить тут одна и постепенно приняла тот факт, что их браку пришел конец. Однако ее любовь к мужу осталась прежней.

Оливия не могла справиться с охватившим ее волнением: у них будет новый старт! После выписки Ксандера из больницы они вновь окунутся в прежнюю жизнь вдвоем, как было когда-то после свадьбы. И если он будет счастлив с ней, то возможно, когда к нему вернется память, это затмит ту боль, что когда-то их разлучила. Однако если это произойдет слишком скоро, у них уже не будет второго шанса на счастье. Но Оливия решила рискнуть. Оставалось придумать, что делать с настоящим миром Ксандера, в котором он жил и работал последние два года, без нее? Она подумает об этом потом. Не похоже, что у него было много посетителей с момента аварии. Никаких цветов на столе, только одинокая открытка, подписанная командой инвестиционного банка, в котором он работал.

Врач Ксандера сказал, что потребуется по крайней мере месяц, если не больше, прежде чем больной окончательно поправится, в зависимости от того, как будет протекать терапия. Оливия размышляла о том, что придется удерживать на расстоянии коллег Ксандера. В ближайшее время ей придется позвонить кому-нибудь из его партнеров, и придумать, как не пустить к нему лишних посетителей.

Внезапно она устыдилась своих мыслей. Друзья Ксандера имели право знать, что с ним, и, без сомнения, они хотели его навестить. Но ведь одно неосторожное слово может вызвать лишние вопросы, на которые она не в силах будет ответить. Нет, она не может так рисковать.

Да, она опоздала ровно на два года, но все это могло стать для нее вторым шансом, и она собиралась бороться за Ксандера на сей раз. Ей хотелось надеяться, что можно вернуть их прежнюю любовь. Тот факт, что он проснулся, влюбленный в нее, как когда-то прежде, очень воодушевлял. Может, им все же удастся прожить жизнь вместе, больше не совершая сокрушительных ошибок.

Ксандер бросил на дверь палаты, казалось, уже сотый взгляд за это утро. Оливия уже должна бы прийти. Сегодня у них с доктором Томасом состоялся горячий спор по поводу того, стоит ли ему лечиться в реабилитационный центр; Ксандер наотрез отказался от этого, и врач наконец сдался и сказал, что он может отправиться домой завтра или даже сегодня вечером. Он позвонил Оливии, хотел попросить ее привезти ему одежду, но дома никто не ответил, и ее мобильный тоже молчал.

Он бы отправился домой и в пижаме – ему не терпелось выбраться из больницы и вернуться домой. Порой ему даже казалось, что он видит зеленую рифленую крышу их дома из окна палаты. Конечно, это был самообман, но он словно ощущал постоянную связь с Оливией, даже когда ее не было рядом.

С момента пробуждения от комы прошло уже три недели, но он до сих пор отчетливо помнил, как увидел свою жену после того, как пришел в себя. Выражение тревоги на ее прекрасном личике вызвало у него отчаянное желание успокоить ее, сказать, что все будет в порядке. Но сон сморил его тут же, он лишь успел улыбнуться ей. Он выругался про себя. Эта авария не только вычеркнула из памяти шесть лет жизни, но и сделала его беспомощным, слабее котенка. Сначала он даже не мог построить целое предложение. Все врачи твердили, что он быстро идет на поправку, но этого Ксандеру было недостаточно. Он не успокоится, пока не вспомнит все и не станет тем человеком, которым был до автокатастрофы. Может, знакомая обстановка и привычные вещи вокруг ускорят процесс исцеления? Глянув в окно, он криво усмехнулся своему отражению в стекле. Что ж, хотя бы что-то не изменилось – сколько он себя помнил, терпеливостью он не отличался никогда.

Услышав, что кто-то вошел, он обернулся и, увидев Оливию, широко улыбнулся, чувствуя, как по телу буквально разливается тепло, – он почувствовал, что все будет в порядке, пока она рядом.

– Приятно видеть, что ты в хорошем настроении, – заметила Оливия, подходя к нему и целуя его в щеку.

Прикосновение ее было легким, точно крылья бабочки, но Ксандер тут же понял, что хочет ее ласки, хочет большего, – может, он и не в лучшей форме, но тело ясно дало понять, что с этим у него все в порядке. У них с Оливией всегда все было превосходно с этой стороны брака, они идеально подходили друг другу, и, кажется, их страсть не ослабла за все эти годы. Это было еще одной причиной отчаянного желания Ксандера вернуться домой. Он вновь усмехнулся про себя: все-таки он нетерпелив. Но всему свое время.

Он спустил ноги с кровати.

– Я могу вернуться домой уже сегодня. Я пытался тебе позвонить...

– Сегодня? Правда?

Ксандеру показалось, что улыбка на ее лице стала какой-то напряженной.

– Доктор Томас запланировал на это утро окончательное обследование, если все результаты будут положительными, то меня выпишут сегодня днем.

– Прекрасная новость, – сказала Оливия. – Я слетаю домой и привезу тебе вещи.

Ксандер потянулся к ней и взял ее руку в свои ладони.

– Так торопишься уйти от меня? Ты же только пришла. Подожди немного.

Она обхватила его пальцы своими, а он перевернул ее ладонь и поцеловал, почувствовав, как от прикосновения его губ Оливия замерла, а по ее телу точно пробежала легкая дрожь, зрачки расширились, и на щеках появился румянец.

– Я скучаю по тебе, когда ты уходишь, – признался он, пристально посмотрев на ее руку. Коротко подстриженные, аккуратные ноготки и следы от краски на коже. – Вижу, ты, как всегда, рисуешь. Хорошо, что есть вещи, которые не изменились.

Оливия отвернулась, закусив губу, но он успел увидеть в ее глазах горечь.

– Ливви, в чем дело?

– Что?

– Все хорошо?

– Да, все в порядке, просто не хочу везти тебя домой в этом, – произнесла Оливия, высвобождая руку и указывая на его полосатую пижаму. – А по поводу твоего вопроса – да, я рисую, я ведь не могу без этого. Так всегда было и будет.

Услышав слова, которые она так часто повторяла, Ксандер засмеялся, чтобы немного разрядить обстановку, и увидел, что напряжение в ее глазах немного ослабло.

– Ну ладно, иди, но поскорее возвращайся, хорошо?

– Конечно, – сказала она, наклоняясь, чтобы поцеловать его в лоб.

Ксандер откинулся на подушки, глядя ей вслед. Что-то было не так – он не мог сказать, что именно, но чувствовал это. Они уже давно говорили о его возвращении домой, а теперь, когда этот момент настал, – неужели она боится? Поразмыслив немного, он пришел к выводу, что это не исключено. Возможно, его жену беспокоит, сможет ли он вернуться к прежней жизни. Она всегда тревожится за него, даже по пустякам. Видимо, это шло из детства – после смерти матери ей пришлось взять на себя заботу о младших братьях и сестрах. Такова уж была его Ливви – все время пыталась предусмотреть все до мелочей, чтобы ничего не вышло из-под контроля.

Женившись на ней, Ксандер пообещал себе, что никогда не станет ей обузой, ни за что не взвалит на ее плечи еще и необходимость заботиться о нем, как о ребенке. Он и сейчас был полон решимости не причинять ей слишком много беспокойства. Он сделает все, что в его силах, чтобы дальнейшее выздоровление прошло гладко и ей не пришлось волноваться о нем.

Оливия поспешно вбежала на парковку и села в машину. Рука ее слегка дрожала, когда она включала зажигание, и ей пришлось посидеть минуту, чтобы успокоиться.

Он наконец-то возвращается домой. Она же хотела именно этого, так почему она вдруг убежала, точно ошпаренная, услышав о выписке? О, она знала почему. Это означало, что пришло время перестать игнорировать тот факт, что у Ксандера была какая-то своя жизнь после того, как он ушел от нее, и пора с ней познакомиться. Придется взять комплект ключей от его квартиры – их Оливии отдали в больнице вместе с остальными его личными вещами, что были у него при себе в момент аварии, – и отправиться туда.

Она ведь знала, что когда-нибудь ей нужно будет собрать волю в кулак и войти в его новый дом, где он жил без нее, но все оттягивала этот неприятный момент. Ну что ж, она хотя бы знает адрес. «Вот и пригодились и документы о разводе», – мрачно подумала Оливия, отъезжая от больницы Окленда и направляясь в район Парнелл, где Ксандер снимал квартиру.

Поднявшись на верхний этаж, она открыла дверь, ведущую в общий коридор, и замерла на пороге, не зная, что ее ждет в квартире. Войдя в прихожую, Оливия с удивлением огляделась вокруг.

Она словно попала на страницу дизайнерского журнала. Все детали интерьера прекрасно дополняли друг друга, в доме царил идеальный порядок и при этом какая-то бездушность. Словно здесь никто никогда не жил. По вещам невозможно было сделать какие-то выводы о характере хозяина, не было здесь домашнего тепла и уюта. Оливия прошла в гостиную, а затем – в коридор, ведущий в спальню. Там Оливию поджидал тот же сюрприз – эта комната больше походила на гостиничный номер, в котором никто не живет. Не похоже было, что это дом того человека, которого знала Оливия, – аккуратного и скрупулезного во всем, кроме своего гардероба. Она не раз ехидно подшучивала над его привычкой разбрасывать одежду по всему дому. Может, к нему приходила горничная? Или он и впрямь очень изменился, и от этой мысли Оливии стало очень неуютно.

В кладовке Оливия нашла большой чемодан, быстро сложила туда белье и одежду. Из ванной она прихватила гель для душа, туалетную воду и бритвенные принадлежности. Интересно, вспомнит он, как этим пользоваться? Он уже давно не брился. Не далее как на прошлой неделе она поддразнивала его из-за весьма густой щетины на подбородке. Про себя она решила, что он выглядит неплохо. Ксандер казался сейчас намного мягче и дружелюбнее, чем тот отстраненный незнакомец, что подчеркнуто вежливо попрощался с ней при расставании.

Оливия зажмурилась и помотала головой, точно желая стряхнуть с себя назойливые воспоминания, и направилась на кухню. Открыв холодильник, она обнаружила, что он совершенно пуст, а значит, после того, как Ксандер попал в больницу, сюда, скорее всего, приходила горничная. Если это так, придется временно приостановить ее визиты.

Оглядев гостиную в поисках места, где можно было бы хранить личные бумаги, Оливия не нашла ни письменного стола, ни офисного уголка. Может, в квартире есть другая спальня? Оливия вернулась в коридор, ведущий в предыдущую комнату, и заметила еще одну дверь. Она открыла ее, вошла внутрь и замерла на пороге.

Сердце ее дрогнуло, когда она увидела на столе фотографию Паркера в рамке, которую она купила в подарок Ксандеру на первое празднование Дня отца.

Глава 3

Оливия не знала, что Ксандер забрал с собой эту фотографию, когда уходил. Наверное, он взял ее после похорон, когда Оливия упаковала все вещи Паркера в коробки и закинула их на чердак, вместе с фотоальбомами и снимками в рамках, что украшали дом.

Было очень тяжело постоянно видеть любые напоминания о внезапно оборвавшейся жизни сына. Если бы только...

Эти три слова сводили с ума. Если бы только Ксандер не оставил калитку открытой, не бросил мяч так сильно псу Бозо. Если бы Бозо не выбежал на дорогу за мячом, а Паркер не побежал за ним. Если бы только она не сказала Паркеру, чтобы тот шел поиграть с папой на улице, а оставила его дома, в безопасности.

Мучаясь от угрызений совести и злясь на весь мир и на Ксандера в частности, она тогда сделала единственное, что было в ее силах, чтобы смягчить незатихающую боль, – собрала все, что напоминало о сыне, и спрятала, пообещав себе, что достанет эти вещи, когда пройдет время.

Оливия потянулась к снимку и провела пальцем по холодному стеклу, за которым улыбался ее малыш. Он так навсегда и останется ребенком – он уже никогда не вырастет, не пойдет в школу, не будет играть в спортивные игры с командой друзей, встречаться с девочками. У него не будет шанса развернуть крылья и показать, на что он способен, он уже никогда не будет проказничать, и его не накажут, заперев дома.

Прошло несколько минут, прежде чем ей удалось перестать думать о прошлом и заставить себя вспомнить, зачем она сюда пришла. Ах да, горничная. Оливия просмотрела папки с файлами – в документах Ксандера царил идеальный порядок, насколько она помнила, так было всегда – и нашла номер, который искала. Позвонив в службу уборки, она поехала домой.

Но прежде чем выйти из комнаты, Оливия взяла фотографию и убрала ее в ящик стола. Потому что она не хотела еще раз увидеть этот портрет – напоминание о том, что они с мужем потеряли, если ей придется вернуться сюда еще раз.

К счастью, улицы в городе были относительно свободны, и Оливия быстро доехала до дома. Она втащила чемодан на один пролет вверх по лестнице, вошла в одну из гостевых спален и развесила в шкафу одежду Ксандера. Его белье и футболки она сунула в маленький комод с ящиками, а туалетные принадлежности поставила в ванной. Если она ему скажет, что перенесла его вещи, чтобы создать ему некое личное пространство для выздоровления, это не будет ложью. Какая разница, откуда она их перенесла – из их спальни или с другого конца города?

Она сложила в маленькую спортивную сумку все необходимое и выбежала из дому. Когда она вернулась обратно в больницу, ее лихорадило от пережитых эмоций и голода – поесть она не успела. Ксандер стоял у окна, когда она, запыхавшаяся, наконец вошла к нему.

– Я уже было решил, что ты передумала забирать меня домой, – признался он, когда она подошла к нему.

Его слова прозвучали с иронией, но слышался в них и легкий укор, и она понимала почему. При обычных обстоятельствах она должна была вернуться гораздо раньше. Но ведь их обстоятельства не были обычными, хотя он об этом и не знал.

– Ужасные пробки, – ответила она со всей непринужденностью, на которую только была способна. – Ну что, можно идти? У меня тут вещи для тебя, хотя, наверное, теперь они тебе будут великоваты. Кажется, тебе придется сменить гардероб.

Ее попытка отвлечь его удалась.

– Знаю, знаю, как ты любишь ходить по магазинам, – рассмеялся он.

И Оливия почувствовала, как от этих слов ее сердце радостно замерло. Раньше он всегда поддразнивал ее из-за необычной манеры делать покупки. Ей нравилось покупать новые вещи,

но вот переполненные магазины сводили с ума, так что она заранее решала, что нужно купить, а затем, придя в магазин, без примерки брала то, что нужно, и тут же уходила. Никаких прогулок вдоль витрин и бесцельного шатания по отделам. Ну конечно, если речь не шла о магазине, где продавалось все необходимое для живописи.

Оливия подумала, что все же ей не стоит удивляться тому, что он помнит о таких вещах. В конце концов, он же не потерял память целиком, просто из его воспоминаний стерлись последние шесть лет. Улыбнувшись, она протянула ему сумку с одеждой:

– Вот, держи. Тебе помочь переодеться?

У Ксандера еще были проблемы с координацией движений, и ему порой с трудом удавалось сохранять равновесие. Конечно, лечебная физкультура помогла ему восстановить общую моторику и прийти в себя в целом, но все же еще нужно было тренироваться, чтобы обрести прежнюю легкость движений.

– Думаю, я справлюсь, – ответил Ксандер тихо и с достоинством, за которое Оливия его так любила.

– Скажи мне, если потребуется помощь.

Ксандер посмотрел ей в глаза, улыбнувшись:

– Конечно.

Она тоже ответила ему улыбкой, чувствуя, как защемило сердце. Она ведь знала его – он никогда не позовет. Независимость была слишком важна для него, и он был очень упрям. Когда-то, в самом начале их совместной жизни, они не могли обойтись друг без друга. Но с тех пор все изменилось.

«Какой же он счастливый, что ничего не помнит, – подумала Оливия с горечью. – Лишь наши лучшие годы брака и ничего плохого».

Ксандер взял сумку и отправился в общую ванную комнату палаты. Закрыв за собой дверь, он остался наедине со своими мыслями. Дрожь пробежала по его телу при воспоминании о том облегчении, что он испытал, увидев Оливию, вернувшуюся из дому. С самого утра он был напряжен и испытывал внутренний дискомфорт, так что медсестра в документах на выписку отметила необычно высокое для него давление.

Он не понимал причины своего смутного беспокойства. И ему не терпелось поскорее выйти из этого здания. Даже ежедневные визиты Оливии, хоть как-то нарушающие рутину больничного распорядка, не спасали его от тоски по дому.

Приняв душ, Ксандер принялся энергично растереться полотенцем и чуть пошатнулся из-за этого, так что пришлось опереться о стенку душевой, чтобы обрести равновесие. Он тихонько выругался – медленные реакции собственного тела доводили его до отчаяния, казалось, что сигналы мозга не доходили до мускулов.

Кстати, о мускулах – насколько Ксандер помнил, он всегда был в хорошей физической форме. Теперь же он похудел, и над этим тоже придется работать. Ксандер оделся и туго затянул ремень на брюках. Оливия была права: в собственной одежде он выглядел так, будто надел чужие вещи. Он не помнил, как покупал их, так что, наверное, они были из тех «потерянных лет», как он теперь называл забытые годы.

Раздался легкий стук в дверь, отвлекший его от мыслей.

– Ксандер, ты там в порядке? – спросила Оливия.

– Конечно, сейчас выйду.

Ксандер собрал вещи, разбросанные по полу, и сунул их в сумку, а затем открыл дверь.

– Я готов, – произнес он.

– Тогда пойдем, – ответила она, очаровательно улыбаясь – ее улыбка всегда сводила его с ума. Но часто ли он ей говорил, как любит, когда она улыбается ему? Он не помнил этого.

Они заглянули в сестринскую, чтобы попрощаться и забрать документы о выписке, а потом направились по коридору к лифту. Ксандера неприятно задело то, что Оливии пришлось подстраиваться под его шаг, поскольку шел он значительно медленнее, чем она. Еще больше его беспокоил тот факт, что, когда они добрались до ее машины, он очень устал. Со вздохом облегчения он опустился на пассажирское сиденье.

– Прости – следовало подогнать машину к входу, чтобы забрать тебя, – сказала Оливия, садясь в машину.

– Все в порядке. У меня было много времени на отдых.

– Ты так говоришь, будто все это время не работал над выздоровлением. – Оливия вздохнула и положила руку на его бедро, и Ксандер почувствовал тепло ее ладони. – Ксандер, ты проделал долгий путь за короткое время. Тебе придется учиться заново чему-то, что раньше ты делал не задумываясь. Так пощади себя, ладно? Тебе нужно время.

Ксандер откинулся на сиденье, глядя в окно, пока они ехали домой. Видя знакомые места, он радовался, а замечая перемены, старался игнорировать тревогу. Окленд был бурлящим, вечно меняющимся и растущим городом, но все-таки было неприятно видеть пустоту на месте здания, которое ожидаешь увидеть, потому что оно точно стояло там раньше.

– Как там в твоей школе, никто не возражал, что ты взяла отгул, чтобы провести со мной это время? – спросил он.

– Я больше не работаю в школе, – ответила Оливия. – Я ушла оттуда до того, как...

– До того, как – что? – нетерпеливо спросил он.

– До того, как они успели окончательно свести меня с ума, – сказала она, усмехаясь, и ему показалось на миг, что усмешка какая-то напряженная. – Я ушла оттуда уже больше пяти лет назад, но с тех пор у меня неплохо пошли дела с картинами. Ты можешь мной гордиться. У меня было несколько выставок, и сейчас я хорошо зарабатываю.

– Но ведь ты никогда не работала ради денег, не так ли?

Именно так она всегда отвечала ему, когда он дразнил ее из-за того, что она не выбрала более прибыльную работу.

– Ну конечно, – ответила она, и на сей раз улыбка ее была вполне искренней.

К тому времени как они подъехали к дому, Ксандер почувствовал себя полностью разбитым, хотя он не признался в этом Оливии, которая, к его огорчению, помогла ему выбраться из машины и подняться по ступенькам в дом.

Оливия вставила ключ в замочную скважину и распахнула дверь, и Ксандер не смог сдерживать грустной улыбки.

– Будто совсем недавно я перенес тебя через этот порог. А теперь боюсь, как бы тебе не пришлось меня нести.

Увидев тревогу в ее взгляде, он тут же пожалел о своей неуместной шутке.

– Ты в порядке? – спросила она, обнимая его и заставляя опереться на себя. – Тебе нужно хотя бы первое время пожить на первом этаже, чтобы не подниматься каждый раз в спальню. Может, поставить тебе здесь кровать, пока не окрепнешь?

– Нет, – сказал он твердо, входя в прихожую. – Сегодня я буду спать на втором этаже. Я справлюсь.

– Сделать тебе кофе?

– Да, пожалуйста.

Оливия вышла, а он в это время осмотрелся в комнате, отмечая то, что не соответствовало его воспоминаниям. Новые застекленные створчатые двери вели на деревянную веранду. Раньше на их месте стояло подъемное окно и – Ксандер бросил взгляд на сверкающий паркет – на полу лежал ужасный старый ковер с цветами. Оказывается, они обновили дом, причем весьма неплохо.

Он прошелся по комнате, проводя рукой по мебели, по затейливо украшенной каминной полке, возле которой по обе стороны стояли кресла с выгнутыми спинками. Интересно, они когда-нибудь сидели здесь зимними вечерами, греясь у огня? Он в огорчении покачал головой – нет, он этого не помнит. Ксандер присел на одно из кресел: может, это вызовет к жизни какие-то воспоминания – нет, память его оставалась нетронутым листом.

– Вот ты где! – воскликнула Оливия, входя в комнату. – Принести газеты?

– Нет, спасибо, только кофе.

– Тебе все еще трудно сосредоточиться?

Он кивнул и взял кружку, которую она протянула ему. Некоторое время он пристально смотрел на кружку и понял, что вот этот предмет он помнит. Он купил ее у мемориала Пёрл-Харбор, когда они ездили на Гавайи в медовый месяц. Ксандер сделал глоток и откинулся на спинку кресла.

– О, это совсем не та бурда, что подают в больнице. – Он счастливо вздохнул и вновь осмотрелся. – Ну что, похоже, мы сделали все, что запланировали, да? Я имею в виду дом.

Оливия кивнула:

– Это было нелегко, но мы закончили его за год. Мы... э-э-э... нам не терпелось закончить, и мы наняли рабочих, так что в основном это их работа. А как мы с тобой спорили из-за этих створчатых дверей – это было то еще зрелище.

Наверное, горечь из-за ее слов отразилась на его лице в этот момент, потому что Оливия тут же приблизилась к нему и дотронулась ладонью до его щеки.

– Ксандер, не волнуйся. Всею свое время, ты обо всем вспомнишь. А если нет, тогда мы наполним твою выдающуюся память новыми страницами.

Показалось ему или она и впрямь вложила чуть больше энтузиазма в свои слова о новых страницах, нежели о том, что он вспомнит прошлое? Ксандер ощутил новый прилив усталости. Одно дело – чувствовать себя относительно здоровым в больнице, где было так много других людей в гораздо худшем состоянии, чем он, и другое – вернуться домой, где ты привык ощущать себя сильным, где все должно быть знакомым.

Он повернул немного голову и поцеловал ее ладонь.

– Спасибо, – просто сказал он.

– Мы справимся, Ксандер.

– Я знаю.

– Пойду готовить ужин, хорошо? Нам стоит сегодня поесть пораньше.

Должно быть, он уснул, когда Оливия вышла, потому что его разбудил ее легкий, как перышко, поцелуй в лоб.

– Я приготовила спагетти болоньезе, твои любимые.

Она помогла ему встать и, поддерживая, повела его в столовую.

Там тоже все выглядело иначе: по воспоминаниям Ксандера, мебель тогда была закрыта чехлами, потому что нуждалась в ремонте. Он взглянул на антикварную посуду на полках и старинную медную люстру, свисающую с потолка.

– Вижу, ты все же настояла на своем в выборе интерьера, – сказал он, садясь.

– Не обошлось без споров. Пришлось сдаться и поставить самый уродливый письменный стол в мире в кабинет наверху, – ответила она со смехом.

Ксандер улыбнулся ей в ответ – ну вот, наконец-то, он так скучал по ее смеху, точно не слышал его полжизни. Странно, неужели после аварии прошло всего девять недель? Казалось, гораздо больше.

После ужина Ксандер облокотился на кухонную стойку, наблюдая, как жена убирает со стола. Он попытался помочь, но тарелка, которую он взял, выскользнула из пальцев и упала на пол, разлетевшись на мелкие осколки, что невероятно его расстроило и разозлило.

- Перестань себя казнить, – наставительно сказала она, сметая осколки фарфора щеткой.
- Не могу. Хочу снова стать собой.
- Ты и остался собой, не переживай.
- И вместо мозгов желе, – пробормотал он.
- Ну я же сказала, заполним пробелы новыми воспоминаниями, Ксандер. Мы не должны

жить в прошлом.

В ее словах прозвучала какая-то горечь, и ему показалось, что она оборвала себя на полуслове. Однако Оливия замолчала и вновь принялась за уборку. Закончив, она устало улыбнулась ему. Он тут же ощутил укол совести. Она сегодня весь день на ногах, ездила два раза в больницу и обратно, и до этого каждый день помогала ему на занятиях лечебной физкультурой. А ведь он знал – когда его жена работает за мольбертом, она частенько не ложится спать допоздна, не поев и не сделав перерыв. И как это он раньше не заметил этих темных кругов под ее глазами?

– Не знаю, как ты, а я готова сегодня лечь пораньше, – сказала Оливия, едва подавив зевок.

Они вместе поднялись на второй этаж – по мнению Ксандера, слишком медленно, – но он устал и с трудом координировал движения, так что мера эта была вынужденной.

– Мы что, спим в разных спальнях? – спросил он, когда Оливия ввела его в гостевую комнату наверху.

– Нет, – ответила она, слегка запыхавшись от подъема по лестнице. – Но я подумала, тебе будет здесь удобнее. Я очень беспокоюсь сплю, не хочу тебя тревожить лишний раз.

– Ливви, я и так слишком долго спал один, без тебя. Теперь я дома. Сегодня мы спим в одной постели.

Глава 4

«Спим в одной постели»?

Оливия замерла, наблюдая, как Ксандер осторожно идет по коридору к спальне, которая раньше была их общей. Она последовала за ним, а затем вновь остановилась, глядя, как он сбрасывает с себя одежду и, обнаженный, падает на кровать – на ту сторону, где он всегда спал. Он уснул мгновенно. Она смотрела на него, не зная, что делать. В конце концов она вытащила из-под подушки ночную рубашку и скользнула в ванную комнату. Умывшись и почистив зубы, она почувствовала, что сердце ее колотится, делая, как ей показалось, миллион ударов в минуту.

Вернувшись домой из больницы, Ксандер многое здесь вспомнил чисто автоматически – это явно свидетельствовало о том, что травма, полученная в аварии, не разрушила окончательно его память, но Оливия тут же задумалась о том, сколько у нее есть времени до того момента, как он вспомнит все.

Она осторожно легла под одеяло, стараясь не разбудить Ксандера, и, глядя на него, не верила, что он и впрямь здесь. Внезапно он зашевелился и повернулся к ней.

– Что ты там лежишь на краю? Я так скучал по тебе, наконец-то ты рядом, – пробормотал он сонным голосом, а потом протянул руку и прижал ее к своей обнаженной груди. – Ну же, прикоснись ко мне, я же не стеклянный, не разобьюсь.

И тут же уснул снова.

Оливия едва дышала – как же давно она мечтала снова раствориться в его объятиях! Он был таким родным и в то же время таким далеким теперь. Но сейчас она слышала, как гулко бьется его сердце – это не изменилось, так отчего бы ей не насладиться этим моментом?

Сколько одиноких ночей провела она в этой постели с тех пор, как Ксандер ушел от нее, думая о том, что, возможно, они когда-нибудь снова будут лежать тут вместе. И вот наконец он здесь. Говорят, нельзя повернуть время вспять, но похоже, из-за той злополучной аварии именно это и произошло.

Оливия вздохнула. Если он все вспомнит, простит ли он этот обман? Она ведь буквально вырвала его из той жизни, которую он построил без нее, и привезла сюда, поддавшись отчаянному желанию вернуть его.

Она никогда не обманывала людей и теперь чувствовала себя так, точно над головой у нее занесен дамоклов меч. Один неверный шаг – и ей конец, она это точно знала. Она ведь притворяется, будто ничего плохого между ними не происходило. Хотя ей все еще казалось, что эта игра стоит свеч. Интересно только, поддержит ли Ксандер ее, если все узнает? Оливия не хотела терять его снова. На сей раз она будет бороться за него. Она обязана добиться успеха.

Она слегка пошевелилась и почувствовала, как руки Ксандера крепче прижали ее к себе – будто и он решил никогда не отпускать ее. В сердце Оливии зародилась робкая надежда на то, что, вспомнив обо всем, он все же захочет остаться с ней.

Утром Оливия проснулась и тут же увидела Ксандера, стоящего перед открытым гардеробом.

– Ксандер, – сонным голосом спросила она, – как ты?

– Где моя одежда? – спросил он, шаря по полкам и ящикам шкафа.

– Я ее перенесла в гостевую комнату, я ведь думала, что ты поживешь там, пока не поправишься полностью.

Услышав это, он поморщился:

– Поправляются инвалиды, а я здоров.

Оливия села, спустив ноги с кровати.

– Конечно здоров, – мягко сказала она. – Но все же ты еще недостаточно окреп. Что ты ищешь? Может, я знаю, где это?

«Вот именно – может», – подумала Оливия. Она привезла не всю одежду из его квартиры. Теперь, когда он дома, будет сложнее ускользнуть и привезти недостающие вещи. Она обругала себя за то, что не подумала об этом раньше.

– Мою старую университетскую толстовку и джинсы, – ответил Ксандер, поворачиваясь к жене.

Она невольно окинула взглядом его тело. Несмотря на некоторые проблемы с координацией движений, он оставался по-прежнему привлекательным. На животе виднелся тонкий розовый шрам после операции по удалению селезенки, и при взгляде на него Оливия ощутила, как сердце ее сжалось: Ксандер мог погибнуть в аварии, и она могла бы никогда больше не увидеть его. Мысль эта была пугающей. Оливия слишком хорошо знала, как хрупка человеческая жизнь, как легко потерять кого-то.

Встретив его полный желания взгляд, Оливия тихонько вздохнула, почувствовав ответное возбуждение. Они уже так давно не были близки, но ее тело до сих пор реагировало на него так, будто и не было никакого расставания. И похоже, Ксандер ощущал то же самое.

– Может, пойдешь в душ, а я пока принесу твою одежду? – предложила она.

Похоже, придется собрать волю в кулак, чтобы встать и направиться в другую комнату: нужно отойти на безопасное расстояние, чтобы удержать себя от глупых поступков, например от желания затащить его в постель, чтобы восполнить эти мучительные два года одиночества.

– Может, примем душ вместе? – ответил он.

– Мне кажется, ты еще не совсем окреп для этого, – ответила она, стараясь, чтобы слова ее прозвучали непринужденно.

Не дожидаясь его ответа, она вышла в коридор и остановилась, прислушиваясь. Наконец раздался звук закрывающейся двери – Ксандер вошел в ванную и включил душ. Оливия же направилась к деревянной винтовой лестнице, ведущей на чердак.

Как-то, незаметно для нее самой, чердак превратился в склад вещей, которые она не могла видеть. Ей не хотелось туда идти, но сейчас у нее не было выбора. Остановившись перед узкой дверью, она на мгновение закрыла глаза, прежде чем войти. Глубокий вдох – и она сделала шаг вперед.

Не глядя по сторонам, она направилась напрямик к большой пластиковой коробке с одеждой Ксандера, которую он оставил, уходя, и, к счастью, ей удалось найти те джинсы и толстовку, о которых он вспомнил.

В ставшей снова их общей спальне Оливия положила вещи на кровать, и в этот момент из ванной вышел Ксандер, завернутый в полотенце и окутанный облаком пара.

– Вижу, мы решили проблему с горячей водой, – сказал он, направляясь к жене.

– Да, мы в итоге установили маленький бойлер специально для спальни, – кивнула Оливия. – Там осталась вода для меня?

– Я же звал тебя с собой, – подмигнул в ответ Ксандер.

Она сделала вид, что смеется, но сердце ее упало: сейчас он был так похож на себя прежнего. Когда они только узнали, что у них будет ребенок, он волновался, сможет ли достойно обеспечивать свою семью. Они в общем-то не бедствовали, и зарплата Оливии, работавшей преподавателем живописи в школе, использовалась лишь для всяческих экстренных случаев, возникающих по ходу ремонта, но все же известие о ее беременности заставило его тогда поволноваться. С тех пор Ксандер поднялся на головокружительную высоту, занявшись банковскими инвестициями в своей новой компании. И само собой, доход его возрос неизмеримо по сравнению с прошлым.

– Эй, – окликнул ее Ксандер, оглядев приготовленную одежду, – Предпочитаешь, чтобы я ходил без нижнего белья?

– О боже, я не подумала, погоди-ка.

Оливия бросилась в соседнюю комнату и схватила дизайнерские трусы, предмет из его нового гардероба.

– Я тоже быстренько сбегая в душ, а потом приготовлю завтрак для нас, хорошо? – сказала она, вернувшись в спальню.

– Звучит неплохо, – улыбнулся он.

Когда дверь ванной комнаты закрылась, он сел на кровать, внезапно вновь ощутив слабость. «Черт побери, уже довольно», – подумал Ксандер в отчаянии, натягивая белье и вставая, чтобы надеть джинсы. Однако они были настолько велики ему, что просто сваливались с него.

Он шагнул к комоду и выдвинул тот ящик, где хранил ремни. Но, к его удивлению, там лежало белье Оливии. Открывая поочередно ящики один за другим, Ксандер убедился, что они все были заполнены ее вещами. Тут что-то явно было не так – словно они больше не делили эту комнату. Оливия сказала, что перенесла его вещи в гостевую спальню, но тогда в комод остались бы пустые ящики.

Заметив на полу брюки, в которых он был вчера, Ксандер поднял их и выдернул ремень из петель. Затянув его на поясе, он грустно подумал: что еще, интересно, он забыл и какие неожиданности подстерегают его в собственном доме? Даже его жена стала какой-то другой. Слишком осторожной в своих словах и действиях, словно она ему не доверяет.

Оливия вышла из ванной, и Ксандер почувствовал тонкий аромат ванили, что ворвался в комнату вместе с ней. Он ощутил, как внизу живота нарастает возбуждение. Он всегда так на нее реагировал, с самой первой их встречи. Почему, интересно, он помнил тот день, точно это было вчера, но целый кусок их совместной жизни вылетел из памяти?

На лестнице Оливия вновь поддерживала его с одной стороны, а другой рукой он держался за перила. Ксандер до сих пор с трудом сохранял равновесие и координировал движения, и его раздражала собственная беспомощность. Подумать только – он теперь зависит от жены, не может без нее и шагу ступить.

– Что ты хочешь на завтрак? – спросила Оливия, когда они пришли на кухню.

– Все что угодно, я с трудом переносил больничную еду и истосковался по домашним блюдам. Как насчет твоих самодельных мюсли?

Оливия замерла, казалось удивленная его просьбой.

– Я уже целую вечность их не готовила, но есть пачка магазинных.

– Тогда я лучше съем тост. Я сам приготовлю.

Оливия мягко подтолкнула его к одному из стульев, что стояли у стойки.

– О нет, это ведь твое первое утро дома, так что тебя ждет прекрасный завтрак. Как насчет яичницы с копченым лососем?

Он наблюдал, как Оливия готовит, и завидовал легкости ее движений. Она прекрасно тут ориентировалась, а вот для него это место казалось абсолютно незнакомым – он помнил прежнюю кухню с разнокалиберными шкафчиками и плохо работающей плитой. Именно так все здесь было, когда они купили дом на аукционе.

По кухне поплыл аромат кофе. Чувствуя себя отвратительно бесполезным, Ксандер поднялся, принес чашки, которые он заметил в буфете со стеклянными дверцами, и положил в каждую ложку сахара.

– Мне без сахара, – сказала Оливия, взяла чашку и ссыпала сахар назад в сахарницу.

– С каких это пор?

– Ну... я его не ем уже около двух лет.

Сколько же мелочей в повседневной жизни ему придется выучить заново, подумал Ксандер, направляясь к кофейному аппарату. Увидев выражение его лица, Оливия воскликнула:

– Все в порядке, Ксандер. Это же не конец света, – подумай, сахар.

– Может, и так, но ведь есть и важные моменты. Что-то, что мы делали вместе, планы, которые мы строили все эти годы. Что, если я их не вспомню? Черт возьми, я даже не помню ту аварию, в которой я потерял память!

Голос его сорвался на крик, и Оливия с тревогой посмотрела на него:

– Ксандер, все это сейчас не важно. Важно, что ты жив и что ты здесь, со мной.

Она подошла к нему и обняла за талию, положив голову ему на плечо. Ее руки крепко обвились вокруг него, точно она не хотела никогда его отпускать. Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох, пытаясь усмирить свой бурлящий гнев.

– Прости, – сказал он, целуя ее в лоб. – Я просто ощущаю себя ужасно потерянным.

– Но это не так, – возразила она. – Ты здесь, со мной. Там, где и должен быть.

Слова ее казались правильными, но Ксандер чувствовал, что ему нелегко принять их. Многие в этом доме казались ему чужим. И это его пугало.

Глава 5

Оливия почувствовала его смятение, и ей захотелось обнять его еще сильнее. Врачи предупреждали ее, что у Ксандера будут перепады настроения. Это неотъемлемая часть процесса выздоровления после травмы, что он получил, таким образом мозг защищался.

– Ну что, позавтракаем на веранде? – спросила она как бы невзначай. – Может быть, ты накроешь на стол после того, как нальешь нам кофе, а я пока закончу с готовкой?

Не дожидаясь его ответа, она принялась собирать салфетки и столовые приборы, сложила все на большой деревянный поднос с загнутыми краями: если муж пошатнется, ничего не упадет. Конечно, она не сможет водить его за ручку все время, но кто сказал, что нельзя попытаться облегчить ему жизнь? Она открыла двери, ведущие на веранду, убедившись, что на пути не стоит ничего, обо что можно было бы споткнуться.

– В чем дело, Ксандер? – спросила она, увидев, что он замешкался.

– Я не знаю, какой кофе ты теперь предпочитаешь – с молоком или без, – ответил он бесцветным голосом, в котором звучала апатия, которой Оливия не замечала раньше, – даже после смерти Паркера он так никогда не разговаривал.

– С молоком.

Она повернулась к плите и принялась разбивать яйца на сковороду, надеясь, что он не заметил жалости в ее глазах.

Когда яичница была готова, она посыпала ее луком из собственного огорода, а затем красиво разложила на тарелки вместе с ломтиками лосося.

Ксандер стоял возле ступенек, облицованных плиткой, взгляд его был устремлен на вишневое деревце, посаженное им вскоре после переезда в этот дом.

– Видишь, оно выросло, – сказала Оливия, ставя тарелки на стол. – Помнишь день, когда мы его посадили?

– Да, помню. Хороший был день, – коротко сказал он.

Вот так, всего три слова – а ведь тот день был выдающимся. Вначале они от души повеселились, сооружая высокую клумбу из кирпича, наполняя ее землей и компостом, а потом, посадив вишню, отпраздновали это бутылкой шампанского и пикником на траве. А ночью долго занимались любовью.

Оливия почувствовала, как на нее нахлынули эмоции, и она поспешно сказала:

– Ну, пора завтракать, а то все остынет.

Она вспомнила грандиозные планы, что они строили относительно этого сада в тот день. Некоторые из них они успели осуществить до того, как их брак распался. А потом у Оливии не хватило сил довести все до конца: уж слишком большой был участок и на нем стоял еще коттедж с одной спальней – мастерская Оливии.

Ксандер вяло ковырял вилкой еду.

– Тебе не нравится? – спросила Оливия.

– Нет, все отлично, – ответил он. – Просто я не голоден, вот и все.

– У тебя что-то болит? В больнице говорили, что возможны головные боли. Тебе принести таблетки?

– Ливви, прошу! Перестань суетиться! – отрывисто произнес Ксандер, бросая вилку и вставая.

Оливия наблюдала, как он прошел на лужайку и остановился, широко расставив ноги, весь подобравшись, точно готовясь сражаться с какой-то невидимой силой.

Она ведь прекрасно знала, что Ксандер не терпел, когда ему указывали и давили на него или когда она принимала решения, не посоветовавшись с ним. Например, когда принесла

домой Бозо – щенка из приюта для бездомных животных – или когда перестала принимать противозачаточные таблетки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.